Сабир Рустамханлы.

Галина МИКЕЛАДЗЕ

(Окончание. Начало в №8)

Выход в московском издательстве "Художественная литература" романа народного поэта Азербайджана Сабира Рустамханлы "Восхождение на плаху" в переводе Агиля Мустафазаде на русский язык подарил мне счастливую возможность не только сообщить об этом в прессе...

Прежде чем опубликовать свои скромные исследования об авторе и обстоятельствах появления произведения, мне довелось, а скорее посчастливилось вслед за писателем совершить оказавшееся бесценным подарком путешествие в то весьма значимое в дали несказанной истории прошлое, где если не брал начало, то во всяком случае ярко проявлялся, обретая близкие к нынешним очертаниям стиль междоусобных отношений разрозненных ханств (и государств), веками строившихся на притязаниях одних к другим ради собственного "укрепления" - материального благосостояния, стратегической стабильности и властного статуса. Стиль, на протяжении веков осуждаемый прогрессивным человечеством и постоянно устанавливающимися нормами международного права, однако не уступающий позиции даже перед силою широкомасштабного хода цивилизации и тогда, когда человеческий гений успел создать мировые шедевры литературы, науки, архитектуры, многих отраслей культуры и философской мысли, бесценность которых и сегодня провоцирует иных маргиналов на акты вандализма против человечества.

Каждый выбирает по себе...

Сабир Рустамханлы взялся воссоздать сложный, приходящийся на XVIII век период истории своей родины, и мне тем более было интересно в высшей мере пройти путь его поисков, не задавая, кстати, вопросов, на которые он уже ответил в богатой по содержанию и форме изложения книге. Пройти, чтобы понять, как ему удается с помощью известных сведений сотворить произведение, рождающее широкую общественность достоверностью материала, увлекательностью воссозданной атмосферы и искрящейся любовью автора к своему и нашему герою. Формально - герою литературному, но так написанному сердцем талантливого прозаика и поэта, что он предстает перед читающими плоть от плоти своего народа и времени активным, вызывающим чувства истинного патриотизма и гражданской ответственности современником.

К тому времени, когда у Сабира Рустамханлы складывался образ Джавад хана и обрастая подробностями его жизни, биография героя мало-помалу обрела форму вот такого вот, вошедшего в научный оборот в виде своеобразной единицы архивного или музейного хранения.

"Прошло более двух веков со дня смерти великого сына азербайджанского народа, одного из ярчайших представителей династии Зияд оглу - Джавад хана, правившего Гянджинским ханством в 1785-1804 годах. Междоусобные войны, приведшие к ослаблению азербайджанских ханств в конце XVIII - начале XIX века, послужили одной из предпосылок для осуществления захватнических планов Российской империи. Россия старалась расширить свои владения и установить контроль над транзитной торговлей со странами Востока. Первым на пути завоеваний стало Гянджинское ханство, считающееся стратегическим перекрестком всех северных провинций Азербайджана. Основным поводом для вторжения послужила якобы принадлежность Гянджи Грузии, которая уже находилась под протекторатом России.

Покорить Гянджу взялся князь П.Д.Цицианов, назначенный в сентябре 1802 года правителем Кавказа. Царское правительство, вверив ему всю гражданскую и военную власть в Закавказье, рассчитывало с его помощью "умиротворить" Кавказ. Кольцо осады вокруг города становилось все уже. Уже месяц не переставали идти бои. Дороги в город были перекрыты врагом. По свидетельствам, дошедшим до нас, Джавад хан продолжал сражаться, он не собирался сдаваться.

Раздосадованный таким сопротивлением, Цицианов 29 декабря собрал военный совет. Было решено отправить еще одно письмо. В случае неполучения ответа на него до 12 часов 30-го числа русские грозились осыпать город градом пушечных ядер. По условиям капитуляции правителю осажденного ханства надлежало поклясться в верности императору России, ежегодно выплачивать России налог в размере 20 тысяч.

Условия капитуляции были совершенно неприемлемы. Несмотря на то, что, согласно документу, предполагалось позволить Джавад хану осуществлять управление своими подданными, на самом деле царское правительство вовсе не намеревалось предоставить самостоятельность феодальным правителям, ханская власть была бы номинальной и временной. Это понимал и Джавад хан. Кроме того, в отличие от других ханств, вынужденных признать власть России, Гянджинскому ханству выдвигались более жесткие условия. Размер ежегодного взноса, предложенный хану Гянджи, превышал в три раза установленные для Шекинского, Карабахского и Ширванского ханств. Джавад хан, не задумываясь, отклонил эти условия...

3 января 1804 года, в первый день мусульманского праздника Рамазан, начался штурм крепости. Цицианов выбрал именно эту дату, подчеркнув свое пренебрежение к мусульманским ценностям. Русские войска наступали с нескольких направлений: через брешь в земляной стене недалеко от карабахских ворот и со стороны тифлисских ворот. Им удалось захватить главную башню крепости и овладеть еще двумя другими. На одной из них, Хаджикале, майор Лисаневич выстрелом из ружья ранил Джавад хана, сражавшегося в первых рядах защитников. Видя безвыходное положение, Джавад хан взобрался на самую большую пушку. С чрезвычайным мужеством он сражался с саблей в руках, пока не был убит. В тот же день на поле боя погиб и сын хана - Гусейнгулу ага.

Защитники Гянджи отчаянно боролись за каждую улицу, однако смерть их предводителя, нескончаемый поток превосходящих сил противника, сделавший сопротивление бессмысленным, вынудили их сдаться. В битве за свободу Гянджинского ханства погибло 1500 человек, остальные 17.224 (численность жителей города) были взяты в плен.

Так Гянджинское ханство прекратило свое существование. Город лишили своего имени, которое он носил тысячелетиями. В честь супруги российского императора Александра I Елизаветы Гянджа, взлелеянная и прославленная Низами, Мехсети, стала называться Елисаветполем. Этого русским показалось недостаточным. Был обнародован указ о том, что одно упоминание имени прежнего правителя карается штрафом. Гянджинская трагедия положила конец правлению династии Зияд оглу Каджар".

Этот занявший на экране монитора четыре (видимо, достаточных для научного сообщения) страницы текст у Сабира Рустамханлы предстает 400-страничным компьютерным набором полного подробностей об истории Азербайджана, его правлении и соседних народов в XVIII веке изданием с жизнеописанием ставшего нарицательным поросы Джавад хана и многих других участников сложнейших событий. Воспринимаемым как событие и в литературу, и в нашей общественной жизни. Как книга, где нет декораций, описанных в применении к разным людям элементов-пустышек. Где каждое слово и каждая фраза - наполненные глубоким смыслом характеристики, работающие не только на содержание, но и на статус героя и статус высокохудожественного произведения одновременно.

Панораму романа сразу же видишь, знакомясь с названиями глав, отражающих описываемые события и их участников.

Съезд на Мугани. Начало конца Джавад хан Зиядхан оглу Каджар. Тяжкие дни Ираклия. Осада слонами Гянджи. Греческий вариант. Французский путешественник. Медовые волны. Кербалаи Сафы. Черти и Ангел смерти. В сетях Каджара. Александр Мирза борется за власть. Очаг Шейха. Завещание. Письма из Тифлиса. Мелик Або. Пульс Кавказа бьется в Гяндже. Послы из Тифлиса. Наказы императора России. В Гяндже. Гюльджахан. Письмо Тутубеке. Гусейнгулубек и Афаг. Копия святого. Пятничный намаз. Прием в Тифлисе. На мельнице. Асли и Керем. Встреча ханов. Слово в Шейх Оджагы. Сказочная душа. На Тифлисско-Гянджинской дороге. Свадьба. Бои на равнине. Угурлу. Аналы Гянджи. Предательство. Беседа Александра Мирзы с Цициановым. Покушение. Подготовка в Баязиде. Шейх Юсиф. Бои в крепости.

На первый взгляд это - перечень осмысливаемых в данном случае писателем задокументированных, архивных происшествий и преданий старины.

Фактически - хоть и не строго систематизированный список ярких очерков, посвященных череде неординарных, индивидуальных портретов, ярких описаний публичных мероприятий, конфиденциальных встреч, диалогов и словесных дуэлей, за которыми много практически неразрешимых противоречий между родственниками, друзьями, соседями и врагами как проявления неправедности, любви, ненависти. Те, что обнаруживают недвусмысленно быстротечные тщесть, алчность, жестокость и властолюбие, часто подогреваемые врагами извне, которых далеко искать и тогда не приходилось. Воссоздание которых языком художественной прозы на примере романа "Восхождение на плаху" мне хотелось проанализировать с профессиональной точки зрения, чтобы, прочитав роман, ответить самой себе и читателям на искренне возникающие вопросы.

К примеру, как в общем-то разрозненные эпизоды почему-то приводят автора, всегда, оказывается, подвластного свободолюбивой музе, к спонтанному по ходу действия камерных эпизодов и всей широкомасштабной эпопеи... То, что и мы вслед за французами называем "дежа вю" (уже было, уже видено), наделив это емкое понятие все большим по объему смыслом и шире [illegible] способом воспроизведения событий повседневных фактов в форме афоризмов, почти энциклопедических находок [illegible] высказываниях о чем-то неизмеримо большем и значительном.

Но почему ли, намереваясь порассуждать о технологии "писательского процесса", о "кухонной тайне", думаю о гениальном сравнении Анны Ахматовой, которая, пригласив читателей в свою творческую лабораторию, сказала:

"Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желто-белый одуванчик у забора,
Как лопухи, и лебеда",

когда в меру поэтический подвиг, каким является достойный всей эпопеи и своего народа вкус мастера. Да, сознаю [illegible] героев, родившихся талантом выдающегося и на редкость эрудированного живописца - народного художника Азербайджана Рафиса Исмайлова, скрупулезно и увлеченно создавшего вереницу [illegible] ряд снимавшихся по сценарию Сабира Рустамханлы художественного кинофильма "Джавад хан". Уж Рафис-то знает, что в кино учитываются все "мелочи", вводящие актеров, режиссера и зрителей в мир кинематографического произведения, а значит - и исторической правды. Как говорит Рафис, в кино, где специально строятся дома, улицы, роскошные залы и воссоздаются уютные интерьеры, важно все - от образца кувшина из мунявес, формы женского декольте в ту или иную эпоху до конфигурации дверной ручки, рисунка ковра и образца оружия. Что, по обыкновению, а даже информирую, вводит зрителя и читателя в атмосферу исторической ситуации, воссоздавшую большие писательские века. Оставляя и нам, "потребителям", этот художественный простор для раздумий, игры воображения, а значит, для личного творчества.

"Восхождение на плаху"

ной версии финала к трагической развязке, стиной и триумфальной победой героя, обретшего бессмертие после гибели. И откуда же такая убедительность и достоверность во множестве немногочисленных, значимых, определяющих ход событий и взаимоотношения персонажей, к каждому из которых у читателей, по-своему участвующих в судьбе романа, сложится свое отношение - осознанное чувство симпатии или четкое неприятие.

Да, писатель знает о них все - он выбрал их в соответствии с историческими материалами и своим окружением - встретившихся в одном веке и на одной земле, самостоятельно определивших мотивации своего образа жизни и мировоззрения. Носителей добродетелей и тех, кто и ныне поддерживает стойкую живучесть человеческих пороков. И стал описывать их такими, какими они, по его убеждению, могли выглядеть в его сюжете, способствуя вере читателей в его идею. Он любит их и ненавидит. Зримо представляет, как каждый ходит, сидит и разговаривает... За что ратует и на что готов. Кого-то одаривает протестом, кого-то воссоздает из известной биографии, наделяет особой манерой речи, звучанием голоса, представляет, что останется за кадром и будет домыслено про каждого из них. Не скрывая при этом, что главного героя часто пишет... с самого себя.

Наблюдения, житейский опыт, внутреннее отношение к роли, уготованной персонажу. И... собственные убеждения, облик, внутренняя суть. А еще сотни выплывающих из воспоминаний деталей повседневности. Плюс неподражаемых, характерных, обязательных временных персонажей, нужных на каждом [illegible]сом не просто удостоиться чести, а тем более по зову собственного сердца решиться на труд, способный добыть, систематизировать, творчески изложить для истории, а значит, увековечить то большое, что лучше видится на расстоянии. Да еще осознавать ответственность такого поступка там, где важно все: предыстория, факты, лица, о которых следует говорить как о времени примере национальной гордости, мимо которого пройти грех. Талантливый писатель Сабир Рустамханлы не прошел.

Более того, в его романе все на то и нацелено, чтобы пригласить нас в то время и место, чтобы узнали и сердцем безоговорочно уверились в Лету реалии. Те, что в книге секреты собственной литературной манеры и личным почерком маститого литератора, последовательно представляющего сложившуюся в его замысле концепцию, обогащенную временной скрупулезностью, изучаемой правдой, возможностями развитого воображения и даже утонченной, "ответственной" фантазией. В соответствии с его собственной практикой, определяющей схему построения сюжета, взаимоотношений участников и личностных характеристик разных по темпераменту, отношению к себе и окружающим людей. Слабых, заискивающих, низких духом и сильных в борьбе за совместное господство собравших кровавую дань с окружающих, и гордых, исполненных чувства собственного достоинства смелых, бесстрашных поборников справедливости, отважных на самопожертвование во имя достойной цели.

Теперь в романе есть и такие подробности, что определили сопряжение интерьера и исторические костюмы ге-

И тоже на всю жизнь, поколению за поколением, а значит на века, пока живет подлунный мир.

Пусть наше слово отзовется...

Нет сомнений в том, что роман Сабира Рустамханлы о Джавад хане возвращает нас к временам тяжелых для истории Азербайджана и не меняющих [illegible] оценок событиям и чувствам, и то и дело задаю себе вопрос: надо ли сегодня будить лихо, бередить раны, так навязчиво говоря о воспитании и воинствах, по былых несправедливостях, последствия которых так глубоко дают о себе знать и ныне? Но вот ведь и сама ответила, внутренне, что такого вопроса нет и не может быть. И потому, что роман "Восхождение на плаху" напоминает о бессеребренном отторжении территорий и увековечивает память национального героя Азербайджана Джавад хана. И потому, что элементарный экскурс даже в не очень древние времена убедительно говорит: прочь сомнения и нет у нас права забывать зло, не кончающееся поныне. Те убедительные факты, что зафиксированы в документах: покорить Гянджу явился князь П.Д.Цицианов, назначенный в сентябре 1802 года правителем Кавказа. Царское правительство, вверив ему всю гражданскую и военную власть в Закавказье, рассчитывало с его помощью "умиротворить" Кавказ.

Основным поводом для вторжения в Гянджу послужила якобы ее принадлежность Грузии, которая с 1783 года находилась под протекторатом России в соответствии с Георгиевским трактатом, главные условия которого (как и Туркманчайского договора) по сей день оставаясь незыблемыми. При том, к месту будет сказано, что преемница империи - Российская Федерация недавно, уже в XXI веке, учредила орден с потрясающе циничным названием "За принуждение к миру Грузии" - между прочим, независимой республики!

Что и говорить, помнить надо и хорошее, и плохое, что поселю своей неучтивостью. То, к примеру, что главные культурные ценности азербайджанского народа - включенные в Репрезентативный список нематериального наследия - мугам, Дворец Ширваншахов, ашугское творчество, производство уникальных платков из натурального шелка "келагаи" - под опеку ООН в лице UNESCO были взяты лишь после обретения нашей республикой независимости. Или о том, что по поводу оккупации армянским государством Нагорного Карабаха и семи прилегающих районов Азербайджана десятилетиями ведутся пустопорожние "переговоры" при явном лоббировании интересов сепаратистов покровителями из РФ...

Время ныне очень неспокойное: обитатели огромных состояний явно избоскались, в братоубийственной войне за богатства и мировое господство уповая на смертоносное оружие новейших образцов - разве не повод это для того, чтобы большой писатель сказал свое веское - пусть в историческом аспекте и за тысячи километров от многострадальных Пальмиры и Алеппо - слово против зла, в защиту подвергающихся дискриминации людей - всегда к месту и на пользу.

О том, что труд мудрого писателя - напоминание о совести, чувстве меры, необходимом для сбережения таких бесценных "категорий", как духовность, гордость и национальная воспитанность... которой угрожает глобализм, нивелирующий лучшее из ценностей, уничтожающий самобытность. Ту, что идет от корней и одаривает нас чувством собственного достоинства и гордостью, сохраняя все самое важное. Дай-то Бог, чтобы после вандалов оставались книги, которые доносят варварски уничтожаемую правду о том, что было в лучшие годы человеческой истории. И память о героях, отдавших жизнь за свободу родины.

Конечно же, не случайно Сабир Рустамханлы говорит, что художественная литература лучше усваивается и надежнее хранит в человеческом сознании историческую правду, чем малодоступные пониманию научные исследования и философские трактаты.

Спасибо вам, Сабир муаллим, за ваш творческий подвиг. Будем верить, что роман "Восхождение на плаху" на долгие века сохранит имя Джавад хана и других героев ваших талантливых книг, всегда занимающих значимое место в истории Азербайджана и мира.